

Чжао Цзюань сразу всё понял: высочество это не по душе, и в следующий раз он ни за что не станет лезть не в своё дело.

Стоило только подумать о человеке, как он тут же объявился: Чжао Цзюань лишь успел осторожно прикрыть за высочеством дверь, как увидел неподалёку бледного Пэй Цинъяня.

— Ты почему здесь? — кашлянув, спросил его Чжао Цзюань. Хотя высочество с ним и не обращается плохо, при виде этого мертвенно-бледного, жалостного лица у него неизменно возникало чувство вины, будто он кого-то обижает. — Дело уже выяснили, к тебе это не имеет никакого отношения, ступай-ка лучше отдохнуть.

Пэй Цинъянь молча смотрел на человека в комнате, никак не отреагируя на слова Чжао Цзюаня.

— Возвращайся давай, высочество не любит, когда кто-то мешает ему отдыхать. — Чжао Цзюань больше не стал обращать на Пэй Цинъяня внимания и, повернувшись, ушёл.

Убедившись, что Чжао Цзюань удалился, Пэй Цинъянь осторожно приблизился к комнате, опустил у порога на корточки и сжался в комок. Одиночество вокруг было до боли реальным — казалось, он всё ещё в прошлой жизни.

Его Величество тогда просто бросил его, отказался от него.

Он ведь мог всё объяснить, он мог объяснить абсолютно всё...

Пэй Цинъянь поднял взгляд на яркую луну, слёзы смочили щёки, но тут же, вспомнив брошенное высочеством в прошлой жизни слово «урод», он торопливо утёр лицо рукавом.

Ночь походила на пропитанную тушью бархатную ткань, отделившую его от высочества непреодолимой стеной.

Цикады тоже смолкли в густой черноте. Пэй Цинъянь осторожно поднялся на ноги, на цыпочках приоткрыл дверь, бесшумно проскользнул к постели и медленно опустился на колени.

Человек, о котором он думал день и ночь, находился всего в метре от него, но прикоснуться к нему Пэй Цинъянь не смел — он мог лишь прижаться щекой к краю постели и, словно законченный наркоман, жадно вдыхать исходящий от него запах.

Казалось, только так он и может чувствовать себя живым.

Лёгкий аромат амбры коснулся кончика носа, и он задышал ещё жаднее.

От высочества пахло амброй, а не глицинией.

Больше не было того аромата глицинии, который он уже никогда не сможет услышать...

Пэй Цинъянь робко прижался щекой к руке Се Чэнъи, не отводя от него глаз ни на мгновение.

Высочество, прикоснись ко мне...

кричал про себя Пэй Цинъянь, его глаза покраснели, но слёзы катиться не смели.

В этой жизни высочество ещё ни разу не дотрагивался до него...

Вспомнив, как в тот день в карантинной зоне высочество отдёргнул руку, избегая его прикосновения, чтобы забрать записку, Пэй Цинъянь почувствовал, как сердце сжалось от острой боли.

В тот миг он действительно не знал, что ему делать, и едва не поддавался порыву, наплевав на всё, рассказать высочеству обо всём, что было в прошлой жизни.

Но, заметив взгляд высочества, в котором читалось лишь желание держаться от него подальше, он не осмелился.

Пэй Цинъянь не смел задерживаться слишком долго: сдержанно и благоговейно коснувшись губами руки Се Чэнъи, он осторожно поднялся и вышел.

Лунный свет падал на Пэй Цинъяня, подчёркивая его глубокое одиночество.

В темноте пальцы Се Чэнъи, лежавшие на постели, чуть заметно дрогнули.

Пэй Цинъянь плотно притворил дверь и прижал руку к груди, судорожно сжирая ткань одежды и переживая трепет от обретённого вновь.

— Господин, товары с постоянного двора Ниннань исчезли.

Лицо Лян Чжилина мгновенно изменилось, чайная чашка выскользнула из рук и брякнулась о стол, а горячая вода расплелась, вычерчивая извилистые дорожки вдоль края столешницы.

— Посылал людей на поиски? Кто это сделал? — вскочив на ноги, потребовал ответа Лян Чжилин у подчинённого.

— Господин, ваши подчинённые уже отправлены на поиски.

— А Линь Хань? Разве не он должен был присматривать за постоянным двором? Где он? — Лян Чжилиня охватила паника. — Немедленно отыщите мне Линь Ханя!

Поспешно удалившегося слугу сменил упавший на стул Лян Чжилинь, в душе которого росло тяжёлое оцепенение.

Если это дело вскроется, ему действительно придётся распрощаться с жизнью.

Лян Чжилинь мог лишь молиться о том, чтобы это Линь Хань перепрятал товар, и боялся даже представить, что будет, если этот груз окажется в руках Пятого высочества.

— Господин Линь, вас ожидает взрослый Лян.

— Молодой господин Линь, неужели у вас столь важные дела, что вы не можете уделить время этой служанке? — какая-то женщина ластилась к Линь Ханю, её манящие глаза блестели, а руки крепко обвивали его шею.

Линь Хань передумал вставать, ущипнув девушку за подбородок:

— Ах ты шалунья, соблазняешь молодого господина! погоди, я тебе покажу.

— Жду не дождусь, — громко крикнул кому-то за дверью Линь Хань и тут же склонился, впиваясь поцелуем в алые губы женщины.

Стоявший у дверей слуга услышал доносившиеся изнутри звуки и почувствовал ещё большее отвращение. И какая муха укусила взрослого, раз он слушает приказы подобного человека?

Мысленно изругав его вдоль и поперёк, он всё же не смел толкнуть дверь.

Прошло около часа, прежде чем Линь Хань наконец привёл себя в порядок и вышел наружу, приняв напыщенный вид:

— Зачем это взрослый Лян меня зовет?

— Подчиненным неведомо, господин Линь лучше сам взгляните, — со сдержанным раздражением и неизменным поклоном произнёс слуга. — Не заставляйте же взрослого Ляна ждать дольше.

И так потеряли целых полчаса, если они опоздают ещё сильнее, гнев начальства падёт на него

самого.

Линь Хань презрительно фыркнул:

— Знаю я.

Как только Линь Хань удалился, женщина внутри поспешно спрятала серебро в кошель, быстро оделась и, опасливо высунув голову из комнаты Линь Ханя, убедившись в отсутствии людей, пустилась наутёк.

Поднявшись, Се Чэнъи сразу же направился с людьми во двор к Лян Чжилиню.

Не дождавшись Линь Ханя, Лян Чжилинь первым делом встретил Пятого высочества, отчего его сердце провалилось в бездну отчаяния.

Войдя, Се Чэнъи окинул взглядом комнату Лян Чжилиня, на пару секунд задержал взор на висевшем на стене портрете, затем небрежно отвёл его, рассеянно поглаживая пальцем нефритовое кольцо на руке.

— Не знал о прибытии Пятого высочества, не вышел встретить как следует — прошу высочество меня простить, — через силу улыбнувшись, поприветствовал его Лян Чжилинь, подавляя затаённый в груди страх.

— А почему твоя супруга не в поместье? — небрежно бросил Се Чэнъи.

— Мы с ней повздорили, и три месяца назад она уехала к родителям. Сейчас в Цзиньчжоу свирепствует моровая язва, и я не велел ей возвращаться.

Услышав вопрос Се Чэнъи о местонахождении жены, Лян Чжилинь сперва напрягся, но тут же вновь заставил себя улыбнуться.

Се Чэнъи погрузился в задумчивость: три месяца... С момента доклада в столицу о вспышке мора в Цзиньчжоу прошло уже два месяца.

Похоже, эпидемия началась ещё три месяца назад.

— Я спросил просто так, Лян Чжилиню незачем так нервничать, — холодно произнёс Се Чэнъи, заметив, как тот попытался спрятать руки в рукава. — Впрочем, я прибыл сюда ещё по одному делу, о котором хотел бы расспросить взрослого Ляна.

— Высочество изволит шутить, всё, о чём высочество пожелает спросить, ваш покорный слуга

выдает как на духу, — нервно произнёс Лян Чжилинь.

— Чжао Цзюань.

Се Чэнъи бросил взгляд на Линь Ханя, и Чжао Цзюань мгновенно всё понял, передав Лян Чжилиню принесённую с собой бухгалтерскую книгу.

— Эта вещица взрослому Ляню должна быть знакома, верно? — небрежно обронил Се Чэнъи, в упор разглядывая Лян Чжилиня пронзительным, испытующим взглядом.

Руки Лян Чжилиня затряслись помимо его воли, он дрожащими пальцами принялся листать страницы. Чем дальше он перелистывал, тем медленнее становились его движения, и тем меньше надежды оставалось в его глазах.

— Высочество, ваш покорный слуга помутился рассудком в минутном помутнении, умоляю высочество пощадить мою жизнь! — Лян Чжилинь рухнул на колени, моля о пощаде, и ударился лбом о пол так громко, что раздался глухой стук.

Се Чэнъи слегка подался вперёд и кивнул стражникам, приказав удержать Лян Чжилиня:

— Если я пощажу тебя, то кто воздаст должное памяти тех несчастных, что погибли мучительной смертью?

Лицо Лян Чжилиня осунулось и посерело.

— Мне вот любопытно, — в глазах Се Чэнъи мелькнуло праздное любопытство. — Зачем взрослому Ляню понадобилось творить подобное?

— Если не хочешь навлечь беду на жену и детей, взрослый Лян, выкладывай всё как есть, — произнёс Се Чэнъи, и перед Лян Чжилинем упал чей-то портрет.

— Это дело никак с ними не связано, умоляю высочество не причинять им вреда! — в ужасе завопил Лян Чжилинь.

— Будь взрослый Лян честен со мной, я, разумеется, их не трону.

— Благодарю высочество! Ваш покорный слуга выложит всё без утайки.

— Кто идёт? — Юнь Шуй заступил дорогу Линь Ханю, глядя на него ледяным взглядом.

— Я к взрослому Ляню. Раз он занят, я пойду, зайду в другой раз, — завидев стражников у

входа, Линь Хань нутром почуял неладное и поспешно попытался ретироваться.

— Задержать его!

Линь Хань, едва договорив, тут же крутанулся на месте, намереваясь унести ноги как можно быстрее. Заметив его паническое бегство, Юнь Шуй сразу понял, что здесь что-то не так, и рывкнул страже преградить ему путь.

Услышав это, Линь Хань бросился бежать со всех ног, но разве мог изнеженный книгочей обогнать обученных стражников?

— Высочество, только что схватили одного человека.

— Мм? Введите его.

<http://bllate.org/book/22370/2346150>